

жа тыпаў сказаў, што і поўныя, але не маюць тых ці іншых членаў сказа, якія характэрны для структуры двухсастаўных ці аднасастаўных сказаў. У некаторых з іх могуць адсутнічаць як галоўныя, так і даданыя члены сказа. Сярод двухкампанентных няпоўных сказаў у байках К. Кранівы распаўсюджаны канструкцыі з імпліцытнай пазіцыяй галоўнага члена ці яго часткі, з імпліцытнай пазіцыяй дапаўнення, з імпліцытнай пазіцыяй акалічнасці. Дыялог — адзін з важных стылістычна-экспрэсійных сродкаў мовы, якія характэрны для К. Кранівы-байкапісца. Высокая патрабавальнасць вядомага байкапісца да мовы сваіх твораў, яго ўменне будаваць дыялог робяць творы Кандрата Кранівы даступнымі чытачу, вельмі выразнымі паводле ідэі.

¹ Граматыка беларускай мовы: Сінтаксіс.— Мінск, 1966, т. 2, с. 451.

² Кандрат Краніва. Збор твораў.— Мінск, 1974, с. 88. Астатнія спасылкі на гэтае выданне дадзены ў тэксце артыкула (у дужках).

Е. А. ДМИТРИЕВА

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Олицетворение как троп возникло еще в мифологической античной литературе, которая передавала языческое восприятие мира человеком. «В этом естественном родовом отношении человека к природе есть непосредственным образом его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе»¹. По мнению Л. И. Тимофеева, «миф метафоризировал речь»². Вот почему олицетворение так характерно для устного народного творчества. Но и в литературе чем сильнее потребность поэта выразить субъективное отношение к действительности, тем необходимее вернуть речь к ее первичному состоянию.

В русской поэзии эта фигура получает широкое распространение в составе метафоры у романтика В. А. Жуковского. Много олицетворений в лирике Ф. И. Тютчева и А. А. Фета. В начале XX века многие поэты считали человека частицей природы, полагая, что мера растворения в природе определяет его ценность. Подобное восприятие действительности можно объяснить обращением русской интеллигенции к язычеству, ее желанием вырваться из «клетки» канонизированного христианства, сблизиться с народом, приняв его миропонимание, в котором сохранялись еще многие дохристианские представления о природе. На наш взгляд, интерес к олицетворению связан еще и с таким приемом в литературе, который В. Шкловский определил как остранение.

Из-за «тесноты стихового ряда» (Ю. Тынянов) взаимовлияние слов в поэзии сильнее, чем в прозе, следовательно, тропы возникают в ней чаще. Ранняя лирика Б. Пастернака перенасыщена метафорами. Тропы накладываются, пересекаются. В одном из писем поэт признавался, что он «любил схватывать этот стремительно взвихренный мир и передавать его»³. Динамичность — основная черта поэтики Б. Пастернака. Люди, вещи, пейзаж в его стихах никогда не находятся в состоянии покоя.

Несметный мир семенит в месмеризме,
И только ветру связать,
Что ломится в жизнь и ломается в призме,
И радо играть в слезах⁴.

Движение — жизнь. Любой движущийся предмет обладает хотя бы этим свойством живого. Дальнейшее олицетворение — наделение предмета психическими свойствами человека — было естественным и необходимым продолжением такого понимания движения. Олицетворение — фигура, которой Б. Пастернак пользуется охотнее всего.

В языке олицетворение выражается в том, что агенсом становится неодушевленное существительное. Этому неодушевленному существительному приписываются действия, свойственные человеку, т. е. добавляется сема 'обладающий сознанием'. Таким образом существительное начинает функционировать в необычном для себя контексте: *Мимоходом Буря хвалит домоводство* (с. 132). Олицетворение, как и другие разновидности метафоры, может быть общеязыковым (*идет дождь*) и индивидуальным, поэтическим. Часто такое олицетворение достигается «оживлением» стершейся метафоры различными способами. Б. Пастернак пишет о дожде как о добром знакомом, изменив в привычном выражении приставку в глаголе: *Он зайдет и к тебе и, развинчен, Станет свечный натек колупать* (с. 188).

Вряд ли можно безоговорочно согласиться с мнением Е. А. Некрасовой, охарактеризовавшей олицетворение у Б. Пастернака как метафорическое⁵. Из рассмотренного нами материала следует, что олицетворение у поэта может использоваться не только в составе метафоры, в том числе и двойной, но и в контексте сравнения, метаморфозы и как «чистое» олицетворение. В составе двойной метафоры, т. е. метафоры в сочетании со сравнением, предмет одушевляется тем, что ему становится присуще человеческое свойство, которым наделен объект сравнения: дождь — *волна злорадства* (с. 148).

Конкретная лексика метафоризируется легче абстрактной, но и среди отвлеченных существительных есть небольшая группа слов, способных функционировать в метафоре. В книге Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь» таких слов пять: творчество, грусть, горе, жуть, тоска. Эти слова, кроме первого, традиционно употреблялись в контекстах олицетворения. Из античной литературы идет традиция отождествлять творчество с очаровательной Музой. Б. Пастернак одушевляет творчество, не персонифицируя его в каком-либо одном образе: *Разметав отвороты рубашки, Волосато, как торс у Бетховена, Накрывает ладонью, как шашки, Сон, и совесть, и ночь, и любовь оно* (с. 128).

Восприятие мира живым было настолько характерно для поэта, что любой предмет в его стихах одушевляется, взаимодействует с человеком: сочувствует ему, сопротивляется его воле или же выполняет действие вместо лирического героя стихотворения. Метафоризируются наименования бытовой обстановки — частей дома, одежды, тканей: *Окна сцены мне делают. Бесцельно весть! Рвется дверь с петель, целовав Лед ее локтей* (с. 155); *муслин пугался... жаждал финала* (с. 135). Олицетворение отдельных конкретных реалий приводит к олицетворению более общих — города, селенья...

В мифологии, фольклоре, художественной литературе растения и деревья часто отождествляются с человеком. Разумеется, выбор предмета идентификации важен, особенно если анализировать его в «вертикальном контексте» мировой литературы. Б. Пастернак одушевляет рожь, ковыль, репейник, иву, липу, сосну, шиповник, лебеду, бруснику, люцерну, астры, мак. Свойственное поэту умение в частном находить общее одушевляет и рошу, сад, ельник, чашу. Подобное мировосприятие сродни мифотворчеству: *«Просит роща верить: мир всегда таков. Так задуман чащей, так внушен поляне, Так на нас, на ситцы пролит с облаков* (с. 132).

Рассмотрим способы выражения олицетворения на уровне предложения, определительного словосочетания, сверхфразового единства (СФЕ) и целого текста в книге «Сестра моя — жизнь». Более половины всех примеров олицетворения у Б. Пастернака приходится на предикативный центр предложения. По наблюдениям Н. Д. Арутюновой⁶, любая метафора ориентирована на позицию предиката. По-видимому, это объясняется тем, что метафора нарушает обычные взаимоотношения между предметами и словами, их называющими, относя наименование к другой лексико-семантической группе. Выразитель предикативности — сказуемое. Из 197 примеров олицетворений, выраженных сред-

ствами предикации, только в 9 — неглагольное, именное сказуемое, называющее более постоянный признак подлежащего по сравнению с глагольным сказуемым. О важности для поэта предикации как средства создания олицетворения говорит и то, что образованная таким способом самая обобщенная, мировоззренческая метафора вынесена в заголовок книги. До Б. Пастернака никто не называл жизнь сестрою, хотя существует обращение к близкому человеку: «жизнь моя».

Четвертая часть глагольных сказуемых в книге «Сестра моя — жизнь», по нашим наблюдениям, в контекстах олицетворения называется движением, прежде всего бег, потому что мир стремительно изменяется. Необычно направление движения: зеркало не является неподвижным предметом, отражающим действительность; предметы вбегают в него, или же зеркало спешит к ним: *Из сада, с качелей, с бухты-барахты Вбегает ветка в трюмо!* (с. 115); *Дорожкой в сад, в бурелом и хаос К качелям бежит трюмо* (с. 114).

Для олицетворения традиционно употребление глаголов сообщения, контактирования, восприятия. Б. Пастернак определял поэзию как «занятие философией». В его стихах олицетворенный субъект обладает умением отражать объективную действительность в представлениях, суждениях, понятиях: *Сентябрь составлял статью В извозничьем хозяйстве* (151). Новаторство поэта в том, что глаголы мышления в его стихах называют конкретное действие.

В олицетворении предикат может быть как дву-, так и многокомпонентным. Установка на разговорность стиха ограничивала возможности использовать синтаксические конструкции, характерные для книжной речи, но изредка Б. Пастернак употребляет деепричастия и деепричастные обороты. Чаще всего это выражения эмоционально насыщенные, их экспрессия близка свободе разговорного стиля речи: *Лжет и кадит, ухмыляясь, комфорт* (с. 149). Для олицетворения имеет значение не только действие предмета, но и настроение, в каком оно выполняется. Одним из компонентов многоместной предикации может быть сравнительный оборот: плачущий сад *Мнет ветку в окне, Как кружевце* (с. 113). Образ только намечен, не раскрыт, названо второе звено ассоциативной цепочки, основание — повод сравнения — пропущено, а сам сравнительный оборот входит в состав олицетворения как самостоятельной фигуры.

Морфологически олицетворяющая сравнительная конструкция выражается формой творительного падежа со значением сравнения. Вслед за В. В. Виноградовым Н. Д. Арутюнова предлагает разграничивать метафору и метаморфозу (конструкция с приглагольным творительным падежом, «который является семантическим привеском к предикату»). Метаморфоза, временно отождествляя разные предметы, не преобразует значения слова, и в этом ее отличие от метафоры. Такое уподобление лишь «демонстрирует образное видение мира»⁷. Но основа у обоих тропов, на наш взгляд, одна: сравнение по сходству. Основанием сравнения служит значение действия, выраженного глаголом. Эта функция глагола опровергает мнение Б. Эйхенбаума, что творительный сказуемый вытесняет глагол из фразы⁸: *Рассвет холодною ехидной вползает в ямы* (с. 112).

В стихах Б. Пастернака у неодушевленных предметов есть руки, лица, губы...: *губы астр и далей Сентябрьские страдали* (с. 151). Поэта упрекали в анимизме и пантеизме, но частый антропоморфизм образов Б. Пастернака нужно рассматривать на фоне метафоризации поэзии начала века.

Олицетворение способом постановки в однородный ряд одушевленных и неодушевленных существительных очень характерный особенно для раннего Б. Пастернака прием: *лишь ворожей да выюги Ступала нога* (с. 84). Но, пожалуй, для того, чтобы использование синтаксической однородности могло олицетворять предмет, необходима установка на восприятие поэтического текста. Олицетворяющие определения близ-

ки одному из самых распространенных и древних тропов — эпитету. В ранних книгах Б. Пастернака этот способ олицетворения встречается редко. Возможно, поэт чувствовал книжность, вторичность приема, а для него поэзия была такой же реальностью, как и окружающий мир.

Необходимость рассматривать олицетворение на более крупных уровнях, чем предложение и словосочетание, обусловлена переплетением тропов в лирике. Олицетворение выступает как самостоятельная фигура. На уровне СФЕ, смысловой единицы текста, состоящей из одного или более предложений, в которых реализуется микротема, проанализируем олицетворение, основанное на отдаленной ассоциации с человеком: *Скорей со сна, чем с крыш; скорей Забывчивый, чем робкий, Топтался дождик у дверей...* (с. 148). Дождь олицетворяется с помощью эпитета, своеобразной предикацией, локализацией действия. Вначале читатель должен предположить, что дождь появился не «с крыш» (контекстуальный синоним «с неба»), а встал «со сна» — возникает ассоциация с человеком, она укрепляется конструкцией синтаксического параллелизма. В стихах Б. Пастернака природа и человек сливаются в единый образ — «пейзаж-портрет» (Ю. Лотман.) «Сплошное» восприятие действительности приводило к переплетению обычных пространственных представлений: явление природы казалось бытовым понятием: *Всё еще нам лес — передней. Лунный жар за елью — печью, Всё, как стиранный передник, Туча сохнет и лепечет* (с. 132).

Часто все стихотворение — это развитие олицетворения. Важным приемом олицетворения на уровне целого поэтического текста являются заголовки и эпиграфы, если они есть. Заголовок может быть подлежащим (Л. Озеров) всего стихотворения («Плачущий сад», «Болезни земли», «Девочка»). Один из исследователей творчества Б. Пастернака сравнил композицию книги «Сестра моя — жизнь» с сонатным аллегро. И действительно, как в сонатной форме, развитие, вариации, недословное повторение контрастных тем в книге уточняют, углубляют представление о предмете. В то же время такое повторение опорных слов становится средством связи стихотворений. Как правило, выраженные ими понятия олицетворены. Олицетворение становится как бы композиционным стержнем книги.

Летом 1917 года все изменялось стремительно, и образ ветра в поэзии становится основным, даже символическим. Конечно, каждый поэт вкладывал в этот символ свой оттенок значения. У Б. Пастернака ветер всегда олицетворен, но это не ветер мятежа, революции, как у А. Блока, например, или позже у Н. Асеева или В. Луговского, а добрый летний ветер.

То ветер смех люцерны вдоль высот,
Как поцелуй воздушный, пронесет,
То, княженикой с топи угощен,
Ползет и губы пачкает хвощом
И треплет речку веткой по щеке,
То киснет и хмелеет в тростнике (с. 147).

Но, сближаясь с блоковским образом, ветер начинает противостоять человеку, он противопоставляется саду, наиболее частому образу книги, с которым поэт отождествлял себя (потенциальная сема 'плодоносящий, дарующий жизнь'): *У плетня Меж мокрых веток с ветром бледным Шел спор. Я замер. Про меня!* (с. 136).

С движением неразрывно связан и образ дождя, бури как обновляющего начала. Каждое повторение (в книге 19 случаев олицетворения со словом «дождь») уточняет, индивидуализирует этот образ, знакомство с дождем происходит, как знакомство с человеком — узнавание новых деталей проясняет характер.

Стихи Б. Л. Пастернака — «преображение вещи» (М. И. Цветаева), точнее — изображение ее одушевленной сути, данное во взаимосвязи со всем миром.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве.— М., 1957, т. 1, с. 247.

² Тимофеев Л. И. Слово в стихе.— М., 1982, с. 39.

³ Пастернак Б. Л. Собр. соч., в 4-х томах, т. 1, с. 14.

⁴ Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы.— М., 1965, с. 114. Дальнейшие ссылки на это издание даны в тексте статьи.

⁵ См.: Некрасова Е. А. Олицетворение как элемент художественного идиостиля.— В сб.: Стилистика художественной литературы.— М., 1982, с. 38.

⁶ См.: Арутюнова Н. Д. Синтаксические функции метафоры.— Известия АН СССР, 1978, № 3. Сер. лит. и языка.

⁷ Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика)—В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1979, с. 156, 157.

⁸ См.: Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова.— В кн.: О поэзии. Л., 1969.

Т. В. СЕНЮТА

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЛОВООБРАЗОВАНИЕМ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Как известно, детское словотворчество не носит целенаправленного и организованного характера, оно представляет собой процесс комбинирования новых сочетаний из уже известных морфем. Дети строят слова стихийно, произвольно, выражая свои впечатления от окружающего их мира. Ребенок, творя свои слова, никогда не выходит за рамки языковой традиции. Почти все детские неологизмы созданы в соответствии с законами русского языка и имеют точные и многочисленные аналогии в кругу канонических слов. В таких словах, как *сахарный* (сладкий), *копатка* (лопата), *перепуталка* (неразбериха) и т. д., дети только реализуют возможности языка, заложенные в его словообразовательной системе. Если при образовании глаголов дети отдают предпочтение таким словообразовательным способам, как префиксация и конфиксация, то новые существительные и прилагательные они образуют чаще всего с помощью суффиксов. Неизменным остается одно: как в первом, так и во втором случае дети используют исключительно продуктивные словообразовательные форманты в их самом распространенном значении.

Как показал эксперимент, в детской речи весьма продуктивным оказался способ образования новых имен существительных с помощью суффиксов *-ин(а)*, *-атин(а)*. В кодифицированном языке «существительные с суффиксом *-ин(а)*, *-атин(а)*, мотивированные качественными прилагательными, немотивированными и с суффиксом *-л-*, называют вещественное или собирательное понятие, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом, обычно с экспрессией неодобрения, отрицательной оценки: *кислятина*, *тухлятина*...»¹ Особенно продуктивен этот тип словообразования в разговорной речи. Дети образуют нужные им существительные с указанным значением, присоединяя эти словообразовательные форманты к основе любого прилагательного: Эти туфли такая *теснятина*; На улице *мокрятина*; Смотри, какой *пузатина*; Я лучше буду *лохматиной*. Эти детские неологизмы ассоциируются с каноническими словами *тухлятина*, *кислятина* и т. д. и четко занимают свое место в словообразовательной системе языка, так как их семантика запрограммирована значением составляющих их морфем.

Не менее продуктивными в современном русском языке являются новообразования имен существительных с помощью суффикса *-к(а)*. Существительные с суффиксом *-к(а)*, мотивированные существительными мужского рода, имеют основное модификационное значение лица женского рода (*сосед — соседка*), а также самки животного (птицы) (*голубь — голубка*). Этот тип исключительно продуктивен и в разговорной речи, и в сфере официальных номинаций. Как известно, в русском языке есть ряд существительных мужского рода, от которых не образуются имена существительные со значением женского рода. В основном это названия экзотических животных и птиц. Ребенок же образует от любого существительного мужского рода существительное женского